

В ежемесячном обозрении «Новой газеты» за октябрь Сергей Муратов (ветеран телевидения, профессор тележурналистики МГУ) в материале «Легенды и мифы нашего ТВ» привел рассказ режиссера Владимира Ворошилова, как закрывали его первую телепрограмму «Аукцион»: председатель Гостелерадио Лапин доверительно внушал Ворошилову: «Вы же контрреволюционер. Сейчас вы учите думать по поводу какого-нибудь маленького вопросика. Но жизнь подбросит другие вопросы, а люди по привычке начнут думать!».

Публикация имела неожиданное продолжение. Откликнулся соавтор «Аукциона» Анатолий ЛЫСЕНКО, вошедший в историю нашего телевидения многими творческими победами, в том числе как создатель и руководитель перестроечной программы «Взгляд»:

— Был у Ворошилова такой разговор с Лапиным, был! Но у Володи произошла абберация — Лапин наезжал на «Что? Где? Когда?», а «Аукцион»-то уничтожили гораздо раньше. Дело было так...

Молоток

— Я знал, что Ворошилов — страшный скандалист и здорово драчливый. Но когда он сказал: «Есть идея, давай поработаем вместе», — тут же согласился: он был гениальным режиссером.

Тогда бывало, что производство опережало спрос. Была затоваренность сыром, чаем, очень плохо шли морепродукты. Чтобы спасти положение, создали «Союзторгрекламу», а они вышли на Воло-

а! Мать, мать! До передачи четыре месяца, а ты спокойно читаешь!!!... Меня это достало. С присущей мне вредностью я стал ставить будильник на пять утра. Звенело, я набирал его номер: «Привет. Что делаешь?». — «А? Что? Сплю». — «А-а-а, передача на носу, а ты спишь!». И отучил звонить ночью.

Да что говорить — не было у него жизни помимо работы... Не было. Правда, Дед в большой степени играл в свою необразованность. И в скандальность. Он ведь был удивительно

Анатолий ЛЫСЕНКО:

«Мы с Ворошиловым дрались»

Как двум легендам ТВ вместе работалось и увольнялось

до. Нам объясняли: мы должны помочь передачей рекламного характера. А нам сперва казалось, что это все ерунда собачья. Реклама у нас была больно дурацкая — «Повидло, джем полезны всем», «Летайте самолетами «Аэрофлота», как будто были другие! Или страшила в шляпе: «В Сберкассе денег накопила, путевку на курорт купила».

Но я же экономист по образованию. А Дед (я его Дедом стал звать позже, это другая история) шел от образа. Например, знаменитый волчок в «Что? Где? Когда?». Он эту игру еще задолго придумал, но, когда увидел юлу, — всё выстроилось: интеллектуальное казино! А тут у него была идея молотка, поэтому игра стала аукционом...

Игра простая. Вопросы предполагали не один ответ, а перечисление ряда ответов. Выигрывает тот, кто даст последнее дополнение до третьего удара молотка. Ему и приз. Как на настоящем аукционе — кто назовет последнюю цену, тому уходит лот.

Дед заложил в формат трех ведущих. Первый — аукционист с молотком, второй — представитель «Союзторгрекламы» Роман Синицын, который выставляет товар на торги, и я — веду репортаж для зрителей.

С Дедом было нечеловечески трудно. Если он говорил, что в 11.15 мне нужно вот это, а «это» приносили в 11.16, то визг, крик, ругань, увольнения! Но по его вине никогда ничего не могло сорваться. Абсолютная обязательность! Он мог быть скрючен от язвы — все равно приходил секунда в секунду.

Премьера

Мы с Дедом ругались, дрались. Он мог позвонить в два часа ночи и рывкнуть: «Что ты делаешь?». — «Читаю». — «А-а-

застенчивым. А держался таким эталоном хамства. Но мои домашние знали, насколько Ворошилов застенчивый человек.

А дело шло к премьере. И тут один из троих ведущих, который должен был молотком стучать, запил. Решили, что вместо него сядет Ворошилов. А он ничего не мог делать вполпальца, специально съездил в Ленинград посмотреть меховой аукцион.

Но — появиться перед камерой, при его-то комплексах!.. И вот начинается передача. Ро-

Сергей КУЗНЕЦОВ — «Новая»

убедиться, отправляют ли нам телеграммы. «Да ты что, idiot? Кто будет этим заниматься?!». Но все же заехали на Центральный телеграф. Там стоит очередь, и все держат бланки, закрывая текст грудью. Вбегает дама: «Пропустите, мне срочно отправить на телевидение!». Хор голов: «Всем на телевидение!».

Утром после тяжелого банкета меня будят: «Срочно приезжайте, большие неприятности». Не из-за передачи, она понравилась. Но на телевидение позвонил возмущенный министр связи. В то воскресенье нам прислали три чиха телеграмм, и это блокировало работу всего телеграфа.

Ликвидация

Программа имела фантастический успех. После выпуска про чай продали двухлетний запас сверхнормативный! Консервы из кальмаров, которые до того лежали невостребованными, стали дефицитом, потому что мы придумали одну штуку. На передаче про морепродукты раздали банки, открывалки и сказали, что в одной из банок лежит янтарное ожерелье. Вскоре из рядов раздался радостный вопль. Тут и объявили, что вторая банка с ожерельем поступила в открытую продажу.

Кальмары расхватили. И народ их распробовал. Прямых рекламных слов у нас не было, но выдумок подобных — уйма!

Как-то на хоккейном матче руководство «Союзторгрекламы» вручило приз лучшему игроку — цветной телевизор. На матче присутствовал Сулов. Он спросил: «Что это за организация, которая вручает призы, на которые советский рабочий должен копить годами? Проверить и разобраться». И начался разгром! Вышли и на «Аукцион», на меня и Ворошилова.

В это же время у нас на передаче ребята из Нижнего Новгорода спели песню о погибших в атомной аварии. Это реальный случай в Сарове, атомном центре, закрытом, конечно. Песня называлась «Сердца». Про то, что их похоронили, но сквозь землю радиоактивные сердца светились огнем науки. Секретарь обкома позвонил и устроил скандал: сомнительные рекламные цели, да еще песня антисоветского характера. Это и стало причиной закрыть передачу. Володю уволили — несколько лет он работал внештатно.

А передачу уничтожили...

Эпилог

За три месяца до смерти Ворошилова я лежал в больнице. Выпустили меня из реанимации, и я в коридоре учился ходить заново. Одновременно говорил с Дедом по телефону — он тоже плохо себя чувствовал, язва разыгралась. Разговаривая, подхожу к картине, которая висела в коридоре. И вдруг вижу подпись — Р. Синицын. К тому времени в живых его уже не было. Но все-таки мы встретились — картина Ромы, я и Ворошилов на проводе.

Такой была наша последняя встреча.

● Записала Марина ТОПАЗ

Владимир Ворошилов: стоп-кадр

ман, Володя и я готовимся выходить. Володя — белый, индифферентный ко всему.. Взял его за руку — рука твердая, холодная. В этот момент вижу движение: пять, четыре — три... Фанфары! А у Деда чисто актерский ступор. Он — каменный! Толкнул — никакого реагера. Я в шоке как врежу ему по уху! Он: «Ах ты!..» — и на меня. Я на сцену, он за мной, выбежали под аплодисменты, и пошла передача...

В конце задали вопросы телезрителям. Просили отве-

чать телеграммой: на бланке есть время отправления, поэтому легко просчитывать.

Кончилась съемка, мы сидим, ничего не соображая. Ворошилов говорит: «Что-то уболит кошмарно»... Тут видим — через сцену, как в замедленном полете чайки, при всех своих объемах летит Маргарита Эскина: «Мальчики, это гениально!». (Сейчас она — знаменитый руководитель Дома актера, а тогда работала на ТВ.)

Пришли мы немного в себя, я предложил Володе